

жении раздельного лексического выражения, не означает, по мнению авторов, что они вообще не получают в нем языкового выражения, так как без него они не могли бы существовать. В связи с тем, что предикат в суждении сообщает новый, существенно важный признак предмета, он обязательно должен получить в предложении свое лексическое выражение — именно лексическое, потому что конкретное понятие может быть выражено только в слове или в словосочетании. В номинативных предложениях *Зима, Ночь, Раннее утро* и т. д. предикат выражен лексически.

Что же касается субъекта суждения, то, не получая для себя в односоставных предложениях лексического выражения, он находит свое воплощение, свою материальную оболочку в иных языковых средствах. Таким выражением могут служить: 1) флексия 3-го лица (в таких случаях, как *Светает* и т. п.), обозначающая абстрактное понятие, равное значению соответствующего местоимения; 2) инфинитив, как «выражение нулевого лица» (в таких случаях, как *Шутить и все шутить* и т. п.); 3) флексия 2-го лица (императив — *Садитесь, Пойте* и т. д.); 4) номинатив для именных односоставных предложений (*Зима, Пожар* и т. д.); 5) интонация законченного высказывания.

Поэтому, по мнению авторов, задача исследования односоставных предложений по отношению к суждению заключается в том, чтобы, исходя из обязательной двучленности суждений, обосновывать историей каждого конкретного языка разные способы выражения суждений в односоставных предложениях. (В данной статье анализируются факты русского, английского и немецкого языков.)

Вопрос о предложении и суждении затрагивается и в упомянутой выше статье А. И. М о с е е в а. Если признать (а это по существу является общепризнанным положением), что всякое предложение выражает определенную мысль, но не всякая мысль является суждением (логики упорно утверждают, что вопрос и побуждение, например, не представляют собой суждения), то обычно выставляемую проблему «предложение и суждение» придется снять как несущественную, так как ее решение без особого труда сводится к простой констатации, что не всякое предложение, а только повествовательное выражает суждение; эту проблему следует заменить более узкой проблемой: «суждение и повествовательное предложение», в которой будет рассматриваться соотношение действительно соотносительных единиц языка и мышления.

РЕЦЕНЗИИ

G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. — Wien, 1956. 232 стр.

Сравнительно небольшая книга Г. Хютль-Ворт заслуживает серьезного внимания историков русского литературного языка. Правда, тема об обогащении словарного состава русского языка в XVIII в. не поставлена в рассматриваемом труде в полном своем объеме. Не все стороны этого сложного процесса здесь охвачены даже применительно к литературному языку XVIII в. Автор оставляет в стороне сложную и особую задачу — исследовать развитие специально-терминологической лексики, не ставит вопроса и о лексическом обогащении народно-разговорной речи в разных ее ответвлениях. В книге преимущественно рассматривается вопрос о создании новых слов из русско-славянских словообразовательных компонентов и отчасти вопрос о семантическом преобразовании слов, связанном с воздействием европейских языков (особенно латинского, французского и немецкого). Но как ни важны эти процессы для XVIII в., они, конечно, не представляют собой всех путей обогащения лексики русского литературного языка. Обогащение словарного состава в это время было в той или иной степени связано и с прямым заимствованием слов из других европейских языков, с их усвоением и преобразованием на русской почве, с возрождением и оживлением в литературной практике этого времени некоторых старых слов, особенно славнизмов, и с процессом усвоения литературной речью слов народно-разговорных и областных. Семантическое преобразование слов в свою очередь не исчерпывалось и не определялось только процессами индукции со стороны западноевропейских слов и выражений.

Первоначальный замысел автора, как сообщается во «Введении» (стр. 1), ограничивался исследованием лексических неологизмов Карамзина, поскольку именно ему приписывалась особенно выдающаяся роль в этом отношении. Но очень скоро такое ограничение темы оказалось невозможным; потребовалось привлечение материалов современников и предшественников Карамзина. Были выборочно привлечены и просмотрены различные тексты, начиная с Петровской эпохи и до начала XIX в. Выбор источников довольно широк и разнообразен. Представлены отдельные произведения почти всех выдающихся писателей XVIII в., наиболее же полно труды Тредиаковского (в пределах трехтомного смирдинского издания; особенно — «Тилемахида» и «Слово

о премудрости, благоразумии и добродетели») и Карамзина («Письма русского путешественника», повести и другие материалы из его журналов, записка «О древней и новой России», три тома «Истории», письма к И. И. Дмитриеву и др.). Автором также использованы и учтены материалы других исследователей. Наконец, широко привлечены показания различных словарей XVIII в. — как толковых, так и переводных, а также словарей более раннего времени (П. Беринды), словаря Срезневского и современных толковых словарей. Для исторической лексикологии русского языка эта книга дает первую попытку сводного обзора развития лексики XVIII в. с таким широким охватом материала. Г. Хютль-Ворт критически относится ко многим частным заключениям своих предшественников и в некоторых отношениях вносит в это заключение существенные коррективы.

Однако за пределами внимания автора остались, например, оригинальные произведения и переводы И. П. Елагина и его школы¹, некоторые журналы XVIII — начала XIX вв., интересные и по языку, и по приводимым в них замечаниям об отдельных словах и выражениях [особенно «Ежемесячные сочинения», «С.-Петербургский журнал», «Московский Меркурий» П. И. Макарова (1803 г.) и «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения» (1802—1804 гг.)]. Узок круг привлеченных автором сочинений научно-философского и общественно-политического характера. Конечно, очень хорошо, что в поле зрения автора оказались отдельные работы этого рода, принадлежащие Третьяковскому, Ломоносову, Новикову, Козельскому («Философические предложения»), Щербатову, Радищеву. Но не представлены, например, труды Поповского, Аничкова, Десницкого, хотя некоторые из них вошли в двухтомное издание «Избранных произведений русских мыслителей второй половины XVIII в.» (М., 1952), которое было в руках автора. Не всегда удачен, даже с точки зрения интересов Г. Хютль-Ворт и поставленных ею в работе целей, выбор произведений. Остановившись, например, на «Письме к другу, жительствующему в Тобольске...», «Дневнике одной недели» и «Житии Ушакова» Радищева, она миновала основной философский трактат его «О человеке, его смертности и бессмертии».

Время после Ломоносова и до последнего десятилетия XVIII в. было временем героических попыток создать литературный язык на основе взаимодействия русских и «словенских» словообразовательных материалов, приспосабливая их к новым потребностям идеологического выражения, по возможности без примесей иноязычных элементов. Недостаточно еще развитый и совершенный литературный язык нуждался в строгих формальных ограничениях, «чтобы не упасть в варварство как латинскому» (Ломоносов). Дело при этом заключалось не только в ограничении дальнейшей доступности языка прямыми заимствованиями, но и в вытеснении многих ранее заимствованных слов. Известно, с какой особой скупостью даны иноязычные по своему источнику термины в «Словаре Академии Российской». Правда, уже с 1770-х гг. и особенно с 1780-х гг., в связи с развитием журналистики и идейными сдвигами в кругу дворянской передовой интеллигенции, с одной стороны, и в связи с модными веяниями в дворянской среде, с другой, этот строгий пуризм начинает исподволь рыхлеться. Любопытно, что в кругу писателей, признающих целесообразность некоторых новых лексических заимствований, оказываются не только те, кто, подобно Карамзину и его последователям, все больше чуждаются в собственном словотворчестве привлечению «словенского» источника, но и те, кто, как Радищев, по-прежнему широко черпают из него. Рядом с указанным пуризмом, как характерная черта этого периода, выступает «калькирование» и семантическое переосмысление слов с учетом значений соответствующих иноязычных синонимов. Взаимозависимость обеих этих тенденций — лексического пуризма и «семантической индукции» — справедливо отмечается в работе Г. Хютль-Ворт. Жаль только, что автор недостаточно подчеркивает эволюцию мнений по этому вопросу на протяжении изучаемого времени.

Труд Г. Хютль-Ворт состоит из двух неравных частей. В первой части, своего рода развернутом вступлении, раскрывается план и метод работы, определяется принятая в книге терминология, кратко характеризуется язык Петровской эпохи как отправной пункт дальнейшего исследования, даются краткие характеристики наиболее выдающихся писателей XVIII в. и их роли в обогащении словарного состава. Здесь же находим полемическую главу о роли указаний Шинникова для исследования неологизмов XVIII в. Эта часть исследования заключается главами, трагующими о видах лексических новшеств, о структуре неологизмов, о причинах гибели многих из них. Вся первая часть занимает стр. 1—79 книги. Вторую и наиболее важную часть работы составляет «Словарь неологизмов и семантических изменений» с примерами и

¹ Любопытно, что, намечая четыре «эпохи» в развитии слога в XVIII в., Карамзин третью из них начинал с «переводов славяно-русских господина Елагина и его многочисленных подражателей» (см. «Пантеон российских авторов», ч. 1, тетрадь 2, М., 1802, очерк о Кантемире).

комментариями (стр. 80—222). На стр. 223—232 даны подробная библиография и список принятых в тексте сокращений.

Обратимся к общим выводам автора о разновидностях неологизмов (стр. 69—74), об их словообразовательной структуре (стр. 74—76) и о причинах кратковременности существования многих из них (стр. 76—78). Автор выделяет семь групп неологизмов: 1) образования по аналогии; 2) лексические и фразеологические кальки (Lehnübersetzungen); 3) случаи, представляющие более свободную передачу (в структурном отношении) иноязычных слов (ср., например, *учерный круг* в соответствии с греч. *περίοδος* или *отвлечение от вещества* — франц. *abstraction* и т. д. Сюда же относятся некоторые случаи, более близкие к калькам, например *достопримечательность* — нем. *Sehenswürdigkeit*); 4) самостоятельные образования; 5) окказиональные неологизмы (*Gelegenheitsschöpfungen*); 6) полонизмы (а также украинизмы), и, наконец, 7) варианты и дублеты.

Нетрудно заметить, что в этой классификации не проводится единого принципа подразделения. Группы вторая и третья объединяются и подразделяются по признаку их отношения к иноязычному источнику и в этом смысле могут быть противопоставлены всем видам самостоятельного от влияния иноязычных источников образования слов. С другой стороны, в этих группах могут оказаться и слова, структурно вполне отвечающие известному словообразовательному классу русского языка, и такие образования, которые структурно видоизменяют класс русских слов и не могут быть вообще рассматриваемы как простые производные образования (ср. хотя бы *отдействие* — калька франц. *réaction* у Карамзина).

Не совсем понятно выделение четвертой группы («самостоятельные образования», признаваемые «крайне редкими»). В качестве примеров на стр. 72 даются *напольность*, *промышленность*, *единственник* (у Радищева; = «индивидуум»); сюда же относятся сложные слова: *словоумие*, *хитродеижность* (= «механика»), *умообразительный* (= «фигуративный»). Один из них как будто бы тянут к первой группе (ср. *промышленность*), другие — к третьей (ср. *единственник*). Во всяком случае эта небольшая группа не представляет никакого единого признака. Называть эти слова «самостоятельными образованиями» вместе с тем означает в отдельных случаях игнорировать момент семантической «индукции» со стороны иноязычных слов. Слово *промышленность*, конечно, не калька лат. *industria* и франц. *industrie*, однако возникло, как указывается у самого Карамзина, в прямом отношении к ним.

Выделять специально пятую группу в этом ряду — значит вносить в качестве различительного признака момент стилистический, который не находит своего дальнейшего развития в классификационной схеме. К тому же в кругу неологизмов XVIII в. оказывается часто затруднительным отделять слова, образованные для данного случая, от слов, «экспериментально» создаваемых для более далеких целей. В отношении шестой группы неясно, идет ли речь при этом только о новообразованиях, явившихся под польско-украинским воздействием, или о некоторых усвоенных полонизмах и украинизмах.

Наконец, выделяются варианты и дублеты, которые автор не решает рассматривать как неологизмы в собственном смысле слова (стр. 73). Но со словообразовательной точки зрения вряд ли есть достаточные основания для выделения этих слов в особую группу. К тому же понятие варианта (отчасти и дублета) у автора очень широко и не всегда достаточно определено. Сюда относятся не только слова, образованные с тем или иным суффиксом (например, *-ость*) и не вносящие никакого нового значения сравнительно с уже известными образованиями с другими суффиксами (например, *-ство* или *-ние*), но и новые суффиксальные образования с наметившейся семантической дифференциацией (например, *ненаказанность* (= «ненаказуемость») по отношению к слову *ненаказание* («отсутствие наставления»), *посредность* (= «нейтралитет») по отношению к *посредство*, *посреденство* и т. д. — см. словарь].

Как ни противоречива эта классификационная схема, в ней на первом плане стоит противопоставление оригинальных образований образованиям, возникшим под воздействием других языковых источников. Хотя такое противопоставление и важно для XVIII в., однако оно является несколько упрощенным и механическим. Ведь так часто неологизмы XVIII в. представляют одновременно и воздействия со стороны иноязычных образов, и вполне закономерную реализацию словообразовательных и семантических возможностей русского языка.

Более простая схема принята для случаев изменения значений слов. Здесь выделяются заимствования значений (*Bedeutungs ntlehnungen*) и изменения значений (*Bedeutungsänderungen*). Первая группа обнимает слова, у которых наряду с исконными (по преимуществу конкретными) значениями появляются новые (по преимуществу абстрактные) под воздействием их синонимов из других языков (ср., например, *рассеянный* и франц. *distrain*). Вторую группу представляют те случаи, когда русское слово перенимает новое значение от иностранного слова, хотя последнее ни структурно, ни этимологически с ним не имеет ничего общего. Ср. употребление слова *раздробление* в смысле «анализ», *изувер* в смысле «фанатик» и т. д. К этим двум видам присоединяется еще уподобление значений (*Bedeutungsangleichungen*), когда является только

«незначительное» изменение значения, собственно — изменение сферы применения слова (например, *усмотрение* начинает применяться к сфере научного наблюдения). Такая классификация представляется еще более односторонней и тенденциозной. Но она прямо связана с убеждением Г. Хютль-Ворт в том, что «только редко имеют место в литературном языке XVIII в. изменения значений, совершенно независимые от иностранных влияний» (стр. 74).

Что касается наблюдений над структурой неологизмов, то они носят очень общий характер. Автор ограничивается выделением собственно производных слов и *Komposita* (куда относятся как сложные слова, так и префиксальные образования), а также указанием на некоторые наиболее активные словообразовательные разряды. В кругу существительных наиболее активным признается образование от прилагательных новых слов с суффиксом *-ость*¹. Много реже образуются существительные с суффиксами *-ство* и *-ние*. Малочисленными признает автор новообразованные *nomina agentis* (с суффиксами *-ец*, *-ик*, *-тель*).

Значительно меньшее число новообразований приходится на долю прилагательных. Наконец, автор несколько раз подчеркивает, что новообразованных глаголов почти не встретилось (в качестве единственного исключения называются два отыменных глагола: *усверженствоваться* и *сосредоточить*). С этим трудно согласиться. В некоторых разрядах глаголов, например в отыменных глаголах с суффиксом *-ствовать*, мы сталкиваемся с достаточно активным словообразованием. Ср. следующие глаголы, указания на которые отсутствуют в ряде словарей XVIII в. (в лексиконе Поликарпова 1704 г., в лексиконе Вейсмана 1731 г., во Французско-русском словаре 1762 г.) и которые впервые фиксируются Нордетом или в «Словаре Академии Российской» (нет примеров на них и в материалах картотки Древнерусского словаря, охватывающих также Петровскую эпоху): *потворствовывать*, *роскошествовать*, *участвовать* и *соучаствовать*². Отметим также форму *глорастествовать* — впервые в словаре Гейма (1799—1801). Ср. и некоторые глаголы на *-ничать*: *посесничать* (впервые в «Русском Целлариусе» 1771 г.), *роскошничать* и некоторые другие.

Рассуждения Г. Хютль-Ворт о причинах гибели многих неологизмов XVIII в. носят недостаточно конкретный характер. Автор указывает на то, что многие из неологизмов являлись только для целей перевода; естественно, что, употребленные один раз в одном произведении, они не удержались в языке. Но это, конечно, не указание причины, а только простая констатация факта. Многие неологизмы, созданные первоначально как средство перевода, вошли затем и в общее употребление. Ничего не объясняет указание автора на шуточный характер образований (например, *вадорология* у Карамзина; ср. вошедшие в литературный язык новообразования типа *злоныхательство* и *пейкосниматель* у Щедрина, *отсебятина* и ряд других). Многие варианты и дублеты не выражали никаких новых понятий и были излишними, говорит автор (стр. 77). Но и это только предпосылка для вывода, а не сам вывод. В одних случаях выживали именно новые варианты, в других они действительно не выдерживали конкуренции со старыми образованиями, в третьих — это соревнование старых и новых вариантов кончалось их семантическим размежеванием. Ближе к поставленной цели подходит Г. Хютль-Ворт, говоря о структурных и стилистических особенностях некоторых неологизмов. Например, указывается на несовершенство и тяжеловесность многих двучленных заместителей иноязычных терминов (вроде *смесь нестройная* у Радищева в значении «хаос»). Многие неологизмы, как правильно замечает автор, были слишком связаны с эпохой, в которую они возникали, чтобы пережить ее (автор приводит здесь в качестве примера новообразования Карамзина: *нежнокраснеющий*, *нежнообразованный*, и под.). Наконец, автор правильно связывает судьбу многих неологизмов с судьбой характерного для второй половины XVIII в. языкового пуризма. Но глубокого анализа судьбы многих неологизмов XVIII в. в связи перестройкой стилистической системы литературного языка и с изменением общественных условий мы не находим в книге.

Вообще следует отметить, что подобные обобщающие темы мало занимают Г. Хютль-Ворт. Больше всего ее интересует роль отдельных авторов в создании неологизмов. «Коньком» Г. Хютль-Ворт является вопрос об «авторстве» Карамзина в отношении ряда новых или семантически преобразованных слов. И р. смолт вопроса о роли Карамзина как «словообразователя» принес и наиболее ошутимые результаты, которые должны быть учтены историками русского литературного языка. Автор убедительно показывает, что Карамзину ложно приписывалось до сих пор создание и введение в употребление ряда новых слов, а также перосмысление и закрепление за некоторыми словами новых значений. В этом смысле часто погрешали против истины в той или

¹ Ср. Н. М. Ш а н с к и й, Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке. Канд. диссерт., М., 1948.

² Ср.: «...потворствуя друзьям, Он правосудие для Секста позабудет» (Гняннин, Титово милосердие); «Человек паче всех есть существо соучаствующее» (Радищев, О человеке);

ивой степени все, касавшиеся данной темы, начиная с Я. К. Грота. Причина таких ошибок заключалась в слишком доверчивом отношении к показаниям «Рассуждения о старом и новом слоге» Шишкова. Недостаточно учитывалось то обстоятельство, что, выступая против нового слога, Шишков ополчается на Карамзина как на действительно самого крупного и наиболее влиятельного его представителя. Но отсюда еще не следует, будто все, что имеется характерного для «нового слога» в произведениях Карамзина и что обратило на себя в этом слоге внимание Шишкова, должно быть избранным самого Карамзина. Вот некоторые слова, которые Г. Хютль-Ворт не считает неологизмами Карамзина, поскольку они встречаются ранее у других авторов или в словарях более раннего времени: *будущность* (есть у Новикова)¹, *всемирный* (есть у Ломоносова и Сумарокова), *достижимый* (дается в словаре Поликарпова; ср. также в словаре Миклошича; замечание Карамзина о том, что он «осмеливается» употребить это слово «по аналогии», больше говорит об уровне знаний Карамзина в области славянского лексического наследия, чем является свидетельством подлинного новообразования), *потребность* (ср. у Татищева, Сумарокова, Фонвизина) и некоторые другие (см. стр. 43—45).

Также возводятся к более раннему (иногда к значительно более раннему) времени появление новых значений или применений слов: *екус* (в отвлеченном смысле еще у Тредиаковского), *влияние* (например, у А. Барсова между 1755 и 1786 гг.), *отношение* (у Новикова), *положение* (= «ситуация»; есть у Татищева), *развитие* (у Новикова), *рассеянный*, *тронгательный*, *упокоенный* (есть у Новикова). Менее категорически высказываются сомнения в отношении принадлежности Карамзину калькированного выражения *убивать время*, слова *человечный* (возможным признается лишь новый оттенок значения у Карамзина: «гуманный»).

Эти существенные уточнения имеют значение для общей характеристики Карамзина и его отношения к языку. Так, по данным исследований последнего времени оказываются преувеличенными представления о галломании Карамзина². Г. Хютль-Ворт показала, что должны быть ограничены и представления об особой «неологизаторской» активности Карамзина. В частности, в количественном отношении новообразования, например, Тредиаковского значительно превышают общую массу неологизмов Карамзина (у Тредиаковского найдено более 250 неологизмов, у Карамзина — около 120), хотя автором исследована только часть сочинений первого и почти в полном объеме тексты последнего (за исключением ряда ранних произведений 1780 гг.)³. Бесспорным достоинством Карамзина следует признать его гораздо более сдержанное, чем у ряда известных его предшественников и современников, экспериментирование в языке, очень тактичное и продуманное введение новых слов и оборотов. Только этим можно объяснить, что значительная часть его неологизмов вошла в употребление (приведенные у Г. Хютль-Ворт данные в этом отношении следует признать несколько преуменьшенными).

Другой «конек» работы Г. Хютль-Ворт — словообразовательная роль Тредиаковского, которому она приписывает очень многие из неологизмов XVIII в. Однако Г. Хютль-Ворт опирается при этом часто только на отсутствие фиксации того или иного слова или того или иного значения, найденного у Тредиаковского, в словарях более раннего периода. Она утверждает, что Тредиаковский занимает первое место среди «неологизаторов» XVIII в. (в частности, по сравнению с Карамзиным) не только по количеству введенных им слов и новых смысловых применений, но и по количеству

¹ Автор указывает, что в текстах Карамзина этого слова вообще не обнаружено. Укажу кстати, что слово *будущность* рассматривается еще как неологизм «Библиотеки для чтения» Сенковского в анонимной полемической книжке «Авторский вечер» (СПб., 1835), хотя оно эпизодически встречалось и в начале XIX в. [например, в переводе П. Ш. «Пожар Каиа, или царствование Туссеня Лувертюра» (М., 1802); в «Путешествии в мои карманы» (М., 1803) и позднее (но до начала деятельности Сенковского), например у Пушкина].

² См. об этом: Е. Г. К о в а л е в с к а я, Борьба вокруг карамзинской реформы в конце XVIII — начале XIX веков (вопросы лексики). Автореф. канд. диссерт., Л., 1955, стр. 11—15.

³ Правда, семантические неологизмы (изменения значения или применения слова) учитываются в книге далеко не полно. Мы не нашли здесь замечаний по поводу, например, следующих употреблений слов у Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «питомец железного севера» (ср. значение франц. «de fer»); «царствует глубокое молчание» (ср. значения франц. «régner»); «не тронув в его мозгу никакой новой или девственной фибры» (ср. «fibre vierge»); «она есть не что иное, как...» (ср. «rien d'autre que»); ср. также выражения: «Ла-Рив старался всеми силами заслужить ее (хвалу.— Ю. С.) и, как говорят французы, превосходил в искусстве самого себя»; «хорошее общество» (ср. «la bonne compagnie»); «вне себя бываю» (ср. нем. «bin ich ausser mir») и некоторые другие.

слов и значений, которые в дальнейшем вошли в общее употребление. Это преувеличение. Автор опирается на сопоставление абсолютных цифр. Но, конечно, решающими здесь следует признать данные относительные. Ведь процент, например, новых слов и новых значений, перешедших из сочинений Карамзина в общее употребление, выше, чем соответствующий процент для всех неологизмов Тредиаковского (по нашему приблизительному расчету соотношение: 40% и 25%). Вообще подобные внешние, чисто количественные сопоставления недостаточно убедительны. Нельзя не учитывать и значимости этих новых элементов в лексической системе языка.

Материал по словообразованию и семантическим неологизмам у других виднейших авторов XVIII в., приводимый в книге, более случаен и отрывочен. Без сомнения, привлечение других текстов сильно увеличило бы, например, число неологизмов у Радищева¹. Автор справедливо отмечает (вслед за последними работами советских исследователей) важное значение журнальной деятельности Новикова для обогащения словарного состава русского языка. В прежних работах влиянию журналов Новикова в этом отношении не уделялось необходимого внимания. Отметим, однако, одну неосторожность Г. Хютль-Ворт. Рассматривая неологизмы из статьи «О торговле вообще», напечатанной в «Прибавлении к „Московским ведомостям“» Новикова за 1783 г., автор приписывает их непосредственно Новикову. Между тем мнение об авторстве Новикова в отношении этой статьи, выдвинутое Г. П. Макогоненко², не может считаться вполне обоснованным.

Наиболее ценную часть работы составляет словарь неологизмов. В нем представлено 565 статей (не считая ссылочных). Фактически же число приводимых здесь неологизмов несколько больше (так как в некоторых статьях говорится сразу о нескольких близких грамматически или семантически образованиях). Нет необходимости повторять, что этот словарь охватывает лишь часть действительных неологизмов XVIII в. (особенно «семантических»). Кроме объяснения значения слова, в словарной статье дается цитата, иллюстрирующая его первое (по данным автора) употребление, даются указания на источник и характер новообразования, приводятся данные по словарю Срезневского и словарям XVIII в. относительно этого слова и его прежних значений, а также о ближайших родственных словах, наконец показаны современные словари. Здесь встречаем также полемические замечания по поводу предшествующей интерпретации истории появления слова. Иногда даются и некоторые краткие указания на употребление слова у других писателей.

Несомненно, что утверждения автора, касающиеся источника отдельных новообразований и времени их появления, еще нуждаются в тщательной проверке на более широком материале (автор сам нередко высказывает свои суждения с разными оговорками и ограничениями). Мы остановимся здесь на некоторых частных промахах и неясностях. В статье *Бытие*, *бытие дела* (у Тредиаковского; = «факт») указывается со ссылкой на книгу Н. А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху», что в петровское время имело место употребление слова *факт*. В работе Смирнова действительно находим указание на употребление этого слова со ссылкой на XXV т. «Сб. Русского исторического общества» (СПб., 1879). Однако на соответствующей странице указанного издания помещено изложение большого документа Петровской поры, сделанное редактором издания на современном русском языке. Попавшее по небрежности Смирнова в разряд заимствований Петровской поры слово *факт* рассматривается как таковое без дальнейшей проверки и в ряде позднейших работ. В материалах картотеки Древнерусского словаря слово *факт* отсутствует. По нашим данным, оно встречается (едва ли не впервые) у Радищева.

Значение слова *всенародный* в сочетании *болезни всенародные* (у Тредиаковского) раскрывается как «эпидемический». Это один из случаев произвольного употребления автором книги термина «значение слова». Из того факта, что выражение *всенародные болезни* замечает в переводе Тредиаковского выражение *maladies épidémiques* французского оригинала, вовсе не следует, будто само слово *всенародный* каким бы

¹ В списке Г. Хютль-Ворт мы насчитали около 25 слов и измененных значений, которые она приписывает Радищеву. Мы могли бы еще указать на следующие слова из его рассуждения «О человеке, его смертности и бессмертии» (в скобках даем страницы по «Полн. собр. соч.» А. Н. Радищева, т. 2, М.—Л., 1941): *единственность* («бытие наше или, лучше сказать, наша единственность») (39), *плододеяние*, *плододеятельный* (41), *груда* (со значением «масса»: «груда крови в животном») (42), *предсуществовать* (43), *внутренний, свемлице* («сердце, сей источник крови и вемлице ее»), *содрогательность* (45), *единообразоваться*, *согнательные воскипение* (со значением «разложение») (47), *тяжественность* (51), *шестие* (в смысле «прогресс»; ср. «шестие разума») (52), *среда* (в смысле «сфера, область»; ср. «вмеща в среду рассуждения посторонние предметы») (61), *умообразность* (63), *умообразие* (66) и т. д. Конечно, об «авторстве» Радищева в отношении ряда этих слов и значений можно говорить пока только предположительно.

² См. Н. И. Новиков, Избр. соч., М.—Л., 1951, стр. 702—706.

то ни было образом изменило свое значение. В статье *Дух* вряд ли правомерно все указанные автором применения слова *дух* рассматривать как расширение значения под влиянием франц. *esprit*. Во всяком случае, очень легко представить эволюцию значения и на собственно русской почве. Сам пример из Третьяковского «Духи живые и кипящие... не способны к делам» столь же хорошо соответствует «Les esprits vifs et bouillants» во французском источнике, как не противоречит и старому значению слова *душа*. Тем менее оснований возводить к этому источнику сочетания вроде *улыбательный дух*, *наблюдательный дух*, *дух кротости* и т. д. (см. стр. 68). Иначе и известные выражения из церковной великопостной молитвы «дух праздности, уныния» и т. д. пришлось бы возводить к французск. *esprit*!

Слово *напольность* (см. стр. 122) в одном случае его употребления у Третьяковского раскрывается автором как «отрезок времени меньше полугодия». Имеется в виду следующее место из «Тилемахиды»: «Одной только Напольности, то есть, меньше Полугодичного времени, довольно стало Тилемаху от Отбытия». Но это существительное имеет отношение не к *полный*, *полностью*, *наполнен*, как думает автор, а представляет собой производное от *напольный* (ср. у Даля: *наполье* — «обширные поля, пашни под-ряд»). *Напольность* собственно означает: «время от одной распахки полей (весенней) до другой (осенней)», т. е. действительно менее полугодия, что и разъясняется Третьяковским. В другой цитате из Третьяковского автор вообще не может определить значение этого слова, что и естественно, раз исследование пошло по неверному пути. Пример следующий: «Как приблизился он к Саланту, то удивился Зрый напольность Околку, оставленну им как стену». Здесь *напольность* прямой «вариант» к слову *наполье* в указанном его значении.

Вряд ли правильно, что в отрывке из «Тилемахиды»: «вероятность Басни. . соде- лывает впечатление; а остроумные по естественной сообразности лжесловия, имеют тогда всю важность правды» — слово *сообразность* имеет значение «Gestaltung» (у автора под вопросом). Здесь следует иметь в виду всё выражение *естественная сообразность*, т. е. сообразность по отношению к естеству, природе, действительности (мы бы сказали: *правдоподобие*). Вряд ли правомерно видеть в таких случаях, как *наблюдательница*, *обманичик*, *хижина* (у Третьяковского *уединенная хижина* дается в соответствии к *cabinet* во франц. оригинале) и т. д., сдвиги в значении этих слов. Перед нами просто случаи перевода определенных иностранных терминов более или менее подходящими синонимами, не влекущие за собой никаких последствий для применяемых в переводе слов.

Иногда автор нарушает историческую перспективу, видя новое специализированное значение слова там, где только еще имеет место самое общее применение его к новой сфере понятий. Так, исходя из того, что в статье «О торговле вообще», приписываемой Новикову, *прилежание* соотносится с нем. *Industrie*, автор передает значение этого слова как «Industrie, Großgewerbe». Однако здесь слово *прилежание* скорее означает вообще различные виды производительной деятельности (и в этом смысле противопоставляется торговле). То же следует сказать и о первоначальном значении введенного Карамзиным слова *промышленность*. На многочисленных примерах употребления этого последнего слова в первые десятилетия XIX в. можно было бы убедительно показать, что оно только постепенно приобретает тот специализированный терминологический смысл, который сейчас с ним прочно связан. Не случайно Карамзин смотрит на *промышленность* (см. примечание к первой публикации «Писем русского путешественника» в «Московском журнале») как на возможный синоним лат. *industria* и франц. *industrie*, не оговаривая никакой особой специализации в значении этого слова. Сам же автор книги приводит характерный перевод франц. *industrie* в «Dictionnaire complet...» как «прилежание, трудолюбие, рачение». Слово *товарищество* из той же статьи «О торговле вообще» Г. Хютль-Ворт прямолинейно переводит как «Handelsgesellschaft» на основании современного понимания всего контекста.

Книга тщательно отредактирована, и в русских текстах встречается сравнительно немного опечаток. Самая досадная из них в заголовке статьи на стр. 190: *Смесь нестройной* вместо *смесь нестройная*. См. также неправильно указанный год смерти Карамзина на стр. 42 (1828 вместо 1826). В целом исследование Г. Хютль-Ворт, несмотря на указанную неполноту его, односторонность отдельных утверждений и недостаточность теоретических обобщений, следует оценить положительно. Результаты работы автора должны быть учтены при дальнейших историко-лексикологических исследованиях.

Ю. С. Сорокин